

УДК 342.9, 347.1, 347.7

Научная специальность 5.1.2; 5.1.3

<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-3-39-32-37>

ISSN: 2542-0259

© Российское конкурентное право
и экономика, 2024

О статусе группы лиц в конкурентном праве

Башлаков-Николаев И.В.,

Высшая школа правоведения

ИГСУ РАНХиГС,

119602, Россия, г. Москва,

пр-т Вернадского, д. 84

Аннотация

Группа лиц исходя из вида правоотношений, в которых принимают участие лица из ее состава, может рассматриваться в качестве единого субъекта отношений или в качестве совокупности отдельных лиц.

Понятие группы лиц как формы группового объединения и поведения используется в разных значениях применительно к антимонопольным запретам и институту контроля экономической концентрации, что предопределяет актуальность и необходимость исследования правового статуса группы лиц в различных правоотношениях. Правовое регулирование группы лиц основывается на правиле отношения к группе лиц как к хозяйствующему субъекту за исключением случаев, определяемых в ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции.

Ключевые слова: государственный контроль экономической концентрации; доминирующее положение; индивидуальное доминирование; коллективное доминирование; единый экономический интерес; группа лиц; хозяйствующий субъект; антимонопольный иммунитет; монополистическая деятельность; картель; Конституционный Суд Российской Федерации.

Для цитирования: Башлаков-Николаев И.В. О статусе группы лиц в конкурентном праве // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 3 (39). С. 32-37.
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-3-39-32-37>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

On the Status of a Group of Persons in Competition Law

Igor V. Bashlakov-
Nikolaev,

Higher School of Law
IGSU RANEPA,
Vernadsky Prospect, 84,
Moscow, 119602, Russia

Abstract

A group of persons, based on the type of legal relations in which persons from its composition take part, can be considered as a single subject of relations or as a set of individuals. The concept of a group of persons as a form of group association and behavior is used in different meanings in relation to antitrust prohibitions and the institution of control of economic concentration, which determines the relevance and necessity of studying the legal status of a group of persons in various legal relations. The legal regulation of a group of persons is based on the rule of treating a group of persons as an economic entity, with the exception of cases defined in Part 2 of Article 9 of the Law on Protection of Competition.

Keywords: state control of economic concentration; dominant position; individual dominance; collective dominance; common economic interest; group of persons; business entity; antimonopoly immunity; monopolistic activity; cartel; The Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: Bashlakov-Nikolaev I.V. On the status of a group of persons in competition law // Russian Competition Law and Economy. 2024;(3(39)):32-37, (In Russ.).
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-3-39-32-37>

The author declare no conflict of interest

Правильное определение статуса и правосубъектности группы лиц имеет важное значение для квалификации деяний с их участием и участием отдельных лиц из их числа в общественных отношениях, исследуемых в рамках антимонопольного правоприменения, а также для правильного понимания вопросов регулирования отношений в сфере конкуренции.

Само понятие группы лиц в законодательстве не определено и формируется на основе признаков ее формирования, содержащихся в ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции), и особенностей статуса группы лиц, по сравнению со статусом хозяйствующего субъекта (ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции).

Группе лиц посвящен п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2, в котором сформированы правовые позиции по антимонопольной правосубъектности группы лиц, которые расширяют и разъясняют положения ч. 1 и 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции.

Как правило, авторы при описании группы лиц и ее признаков не разделяют показатели и критерии разных видов законодательства, смешивая и беря их из разных видов права, т. е. из гражданского права, конкурентного права, административного права, и не разделяя их. При этом можно увидеть, что статус группы лиц и ее элементов по-разному трактуется в нормах различных отраслей права и специалистами из различных отраслей права.

Гражданское и конкурентное право по-разному формируют правосубъектность группы лиц. Д.И. Серегин [1, с. 94—95], К.А. Писенко [2, с. 56] не делают различий в особенностях гражданской и антимонопольной правосубъектности группы лиц, хотя

говорят о группе лиц как о совокупности, с одной стороны, юридических и физических лиц, а с другой стороны, о схожести статуса группы лиц со статусом хозяйствующего субъекта, тем самым применяя признаки группы лиц как из гражданского, так и из конкурентного права. А.Н. Варламова [3] указывает, что фактически речь идет о группе лиц, когда имеет место совокупность субъектов, один из которых может оказывать влияние на деятельность другого, или на деятельность нескольких субъектов может оказывать влияние один и тот же субъект (субъекты). При этом возникают отношения зависимости и возможность проведения единой согласованной политики на рынке, используя нейтральные термины без принадлежности к тому или иному законодательству.

М.А. Егорова и Д.А. Петров указывали на то, что применительно к группе лиц законодатель не наделяет ее правосубъектностью. А в тех немногих судебных актах, в которых предприняты попытки определить синергетический эффект от поведения в составе группы лиц, превалирует позиция, согласно которой группой лиц является совокупность хозяйствующих субъектов, действующих на определенном товарном рынке в едином экономическом интересе и в силу особых связей (имущественных, родственных, управленческих, договорных и иных), способных оказать влияние на состояние конкуренции на товарном рынке [4, с. 303]. Следствием такого подхода является установление для группы лиц правового режима единого хозяйствующего субъекта, что хотя и лишает смысла конкуренцию внутри такого образования, но не исключает ее полностью. Авторы указывают, что, хотя группа лиц на рынке действует совместно и единообразно, но доктринальным признаком **группы лиц** признается отсутствие ее общей правосубъектности. Фактически собственная автономная правосубъектность всех участников группы подчиняется единому интересу, что означает аффилированность, или связанность, в смысле гражданского законодательства и собственно понятие «группа лиц» в антимонопольном законодательстве.

Соглашаясь во многом с этими авторами, следует лишь заметить, что описание группы лиц в сфере конкуренции осуществлено **с целью создания правил группового поведения совокупности нескольких лиц или индивидуального поведения лиц из состава группы лиц именно в сфере конкуренции, а не в гражданско-правовых отношениях.**

Между тем В.В. Лаптев [5] полагает, что группа лиц обладает правосубъектностью, хотя не во всех предпринимательских отношениях, а только в тех, которые относятся к сфере антимонопольного законодательства.

Поддерживая указанных авторов, можно согласиться с отсутствием гражданско-правовой правосубъектности у группы лиц при наличии отдельной правосубъектности антимонопольной, т.е. используемой для целей антимонопольного правоприменения, как специально скон-

струированной сущности для определения особенностей группового и индивидуального поведения, в том числе и возможного, группы субъектов в отношениях, характеризующих наличие или отсутствие конкуренции как внутри группы субъектов группы лиц, так и при их отношениях с третьими лицами.

Трудности в определении правосубъектности группы лиц связаны с тем, что зачастую делаются попытки ее определения на основе анализа ее элементов, а не самой группы лиц как совокупности элементов.

Так, В.К. Андреев [6] ошибочно полагает, что говорить о группах лиц можно лишь применительно к тем совокупностям юридических и физических лиц, которые указаны лишь в п. 8 и 9 ст. 9 Закона о защите конкуренции, так как в первых семи подпунктах п. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции речь идет об элементах юридического лица либо о физических лицах.

Но в любом из отвергаемых автором пунктов речь идет о признаке формирования группы лиц, в которой заложен подход наличия контроля или влияния в отношении одного или нескольких хозяйствующих субъектов, которые позволяют рассматривать их совокупное влияние на конкуренцию на товарном рынке, сформированное под воздействием контроля, влияния создаваемых за счет прав, обеспечивающих контроль или влияние. Это необходимо для:

- установления возможности совокупного достижения в будущем доминирующего положения при государственном контроле экономической концентрации;
- определения наличия совокупной рыночной власти при установлении антимонопольным органом доминирующего положения группы лиц (групп лиц) на товарном рынке;
- установления наличия или отсутствия конкуренции внутри группы лиц в случае, когда участники группы лиц являются участниками одного товарного рынка при расследовании соглашений, согласованных действий, координации экономической деятельности, ограничивающих конкуренцию.

Когда В.К. Андреев говорит о том, что если в процессе гражданского оборота обнаруживается, что фактически стороной договора является не лицо, указанное в договоре, а группа лиц, то возникают отношения связанности между этой группой лиц и сторонами в этом договоре, он использует не антимонопольную, а гражданско-правовую правосубъектность группы хозяйствующих субъектов по аналогии с каким-либо гражданско-правовым многосубъектным образованием, например, простым товариществом или закупочным союзом.

Между тем понятие группы лиц не используется для уяснения сути гражданско-правового отношения. Основной целью введения и применения понятия «группа лиц» является установление наличия или отсутствия конкуренции или ограничения конкуренции на товарном рынке и (или) между хозяйствующими субъектами, входящи-

ми в группу лиц, вводящими товар в оборот или приобретающими товар, а также участниками вертикальных соглашений, в зависимости от использования различных видов и мер контроля (возможности управления), влияния, имеющихся в распоряжении у различных участников группы лиц.

При этом показатели формирования группы лиц определяются исходя из совокупности возможных вариантов, предоставляющих права контроля (возможности управления) или влияния, которые основаны на различных основаниях их приобретения.

Трудности уяснения сути группы лиц связаны с отсутствием в законе самого понятия группы лиц, которое характеризуется лишь через показатели ее формирования из ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции, которые не передают сущности, назначения самого понятия, а также через характеристику субъектов антимонопольных правонарушений с участием группы лиц и через антимонопольные иммунитеты, иллюстрирующие исключения на основании ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции, и основания их использования. Уяснение сущности группы лиц требует изучения большого количества положений антимонопольного законодательства.

Группой лиц можно назвать совокупность юридических и физических лиц, обладающих в отношении участников группы лиц возможностями влиять в разной степени (управление, контроль, влияние) на их поведение на товарных рынках в определенном интересе (иногда, но не всегда едином интересе; с определенной, иногда единой целью), в том числе исключая конкуренцию между участниками группы лиц, осуществляющими деятельность на одном товарном рынке или в рамках вертикального соглашения.

Группа лиц представляет собой совокупность юридических и физических лиц, обладающих определяющим влиянием на исключение конкуренции между хозяйствующими субъектами из состава группы лиц, действующими на одном товарном рынке или определяющим влиянием на действия продавцов и покупателей из числа участников группы лиц.

К.Ю. Тотьев [7] говорит о публично-правовой правосубъектности группы лиц, основанной не на гражданско-правовой правосубъектности, а на рассмотрении группы лиц как единого лица, например, при выдаче предписания антимонопольным органом. Автор отмечает, что формально независимые юридические и (или) физические лица, выступающие участниками группы лиц, являются составными частями этой общей структуры, управляются из единого центра и осуществляют предпринимательскую деятельность для удовлетворения интересов группы лиц. Поэтому зависимые участники группы лиц не свободны в определении своего поведения на рынке, поскольку действуют под контролем другого субъекта. Особенность антимонопольного законодательства, по мнению данного автора, заключается

в том, что содержащиеся в нем положения позволяют игнорировать «оболочку» юридического лица в публично-правовых отношениях, складывающихся по поводу исполнения предписаний антимонопольных органов и пресечения нарушений правил о добросовестной конкуренции.

Согласимся и уточним, что игнорируется гражданско-правовая «оболочка». Вернее, она замещается на характерные для конкурентного права формы статуса участников конкурентных отношений: хозяйствующего субъекта конкурента, продавца и покупателя в вертикальных соглашениях, потребителя — хозяйствующего субъекта и потребителя из неопределенного круга лиц (ч. 1 ст. 10), участников коллективного доминирования (ч. 3 ст. 5 Закона о защите конкуренции).

Однако не следует забывать, что виновность и привлечение к ответственности, как и выдача предписания, возможны только в отношении участников группы лиц, совершивших противоправное деяние¹. Это следует из положений административного и уголовного законодательства. Когда указанный автор говорит о выдаче предписания группе лиц, то такой подход является отражением принципа солидарной ответственности в гражданском праве. Хотя здесь следует применять не его, а требования положений об ответственности в сфере конкуренции.

Отметим, что для целей гражданско-правового регулирования право использует одни виды фикций: юридические лица, союзы, ассоциации и др., придавая им соответствующую правосубъектность с определенными соответствующими каждому виду из них особенностями. Для целей же регулирования отношений конкуренции законодатель использует другую систему фикций: хозяйствующих субъектов и других, указанных выше лиц, в том числе многосубъектных (неопределенный круг потребителей), а также группы лиц как многосубъектной сущности, используемой для определения наличия или возможности ограничения конкуренции внутри этой сущности, допускающей игнорирование самостоятельности в поведении формально-определенных гражданско-правовых сущностей.

Применение группы лиц позволяет упростить многовариантные отношения владения правами, определяющими поведение хозяйствующих субъектов на рынке, необходимые для установления наличия или ограничения конкуренции.

Взаимодействие в группе лиц признается законным исходя из допущения рассмотрения группы лиц как

¹ См. последние 4 абзаца Разъяснения ФАС России № 15 «О привлечении к ответственности за злоупотребления доминирующим положением хозяйствующих субъектов, признанных коллективно доминирующими» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 24.10.2018 № 11) / СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 22.08.2024).

единого субъекта в конкурентных отношениях, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции.

М.В. Каменков [8] обращает внимание на важное дополнение из абз. 2 п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2, что при установлении нарушений антимонопольного законодательства следует исходить из оценки допустимости поведения действующей в общем экономическом интересе группы лиц в отношении третьих лиц (иных участников рынка), если иное не установлено специальными положениями Закона о защите конкуренции, **не вытекает из характера связей участников группы** и не противоречит существу соответствующего антимонопольного запрета. То есть, по мнению автора, в настоящее время единый экономический интерес не является формообразующим признаком группы лиц как таковым и на практике не должен приобретать решающего значения без исследования качественных связей между лицами. Данный тезис подтверждают положения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П².

К.А. Писенко [9] отмечает, что в Постановлении от 04.03.2021 Верховный Суд РФ истолковал позитивно-правовое регулирование группы лиц с учетом доктринальных подходов к ее определению, сформированных с учетом экономического фактора. В этом проявилось новое понимание группы лиц не просто как совокупности физических и юридических лиц, связанных между собой по каким-то формальным признакам, а как объединения взаимодействующих **в едином экономическом интересе** лиц. Таков, по мнению автора, главный критерий определения наличия группы лиц, на который необходимо ориентироваться правоприменителю.

Таким образом, согласившись с данным автором в указанном им случае, отметим, что основным признаком группы лиц для целей антимонопольного регулирования является наличие или отсутствие связей, исключающих конкуренцию между участниками группы лиц или допускающих устранение конкуренции внутри группы лиц.

Отсутствие же или наличие конкуренции внутри группы лиц является внутренним показателем самой группы лиц, что должно учитываться при определении правомерности поведения участников группы лиц при монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции с учетом положений ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции.

В этом смысле наличие единого экономического интереса или наличие контроля и влияния над участниками группы лиц являются сущностными признаками группы лиц как понятия, созданного для описания группы субъектов с точки зрения отсутствия внутри между ее участниками отношений конкуренции при направленности вовне поведения любого участника конкурентных отношений, так как единый интерес в случае применения ст. 11 Закона о защите конкуренции и ее ч. 7 и 8 не считается противоправным, только если имеется два вида контроля: владение более 50% долей, акций и исполнение функций единоличного органа, несмотря на то, что в корпоративном управлении наличие контроля может устанавливаться и при меньшем размере владения (более 25%). При данном подходе в остальных случаях применения положений о группе лиц по ст. 11 Закона о защите конкуренции, не охватываемых положениями ч. 7 и 8 указанной статьи, единый экономический интерес будет уже противоправным, ведущим к нарушению положений этой статьи.

Следует заметить, что характеристика единого экономического интереса как свойства группы лиц является одним из способов описать сущность группы лиц для конкурентных отношений. Универсальность этого способа была исключена с момента появления положений ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции, вводящей исключение, согласно которому установленные антимонопольным законодательством запреты на действия (бездействие) на товарном рынке хозяйствующего субъекта распространяются на действия (бездействие) группы лиц, если федеральным законом не установлено иное.

С этого момента лица, формально на основании ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции входящие в группу лиц, уже стали по-разному регулироваться в части распространения на них запретов. Например, согласно ч. 7, 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции запрет на соглашения, ограничивающие конкуренцию, перестал распространяться на участников группы лиц при наличии лишь двух оснований контроля как способа формирования группы лиц. Но запрет стал распространяться на соглашения участников группы лиц, внутри которой хотя и может отсутствовать конкуренция между участниками одного рынка, но способ формирования группы лиц отличается от указанных в ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

Такой подход или понуждает участников группы лиц конкурировать между собой, или отказаться от предпринимательской деятельности на определенном товарном рынке под угрозой наказания за антимонопольное соглашение.

Требования к поведению группы лиц помещены в ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции, согласно положениям которой «установленные антимонопольным законодательством запреты на действия (бездействие)

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 8 ст. 11 и п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект»» / СЗ РФ. 10.04.2023. № 15. Ст. 2746.

на товарном рынке хозяйствующего субъекта распространяются на действия (бездействие) группы лиц, если федеральным законом не установлено иное». Данной нормой задается общая презумпция, заключающаяся в том, что к группе лиц применяются запреты такие же и в таком же порядке, как и к хозяйствующему субъекту. Но из этой презумпции группы лиц как единого лица могут быть исключения, основанные на нормах федерального закона. Исходя из положений ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции это может быть не только Закон о защите конкуренции, но и любой другой закон. ■

Список источников [References]

1. Гаврилов Д.А. Конкурентное право: Учебник / Д.А. Гаврилов, С.А. Пузыревский, Д.И. Серегин. М.: Норма: ИНФРА-М. 2015. 416 с. [Gavrilov D.A. Competition law: Textbook / D.A. Gavrilov, S.A. Puzyrevsky, D.I. Seregin. M.: Norm: INFRA-M. 2015. 416 p. (In Russ.)]
2. Писенко К. А. Правовое регулирование конкуренции и монополии в Российской Федерации: курс лекций / К.А. Писенко, И.А. Цинделиани, Б.Г. Бадмаев; под ред. С.В. Запольского; Российская акад. правосудия. М.: Статут. 2010. ISBN 978-5-8354-0641-8 [Pisenko K.A. Legal regulation of competition and monopoly in the Russian Federation: course of lectures / K.A. Pisenko, I.A. Tsindeliiani, B.G. Badmaev; ed. S.V. Zapolsky; Russian Academy of Justice. M.: Statute. 2010. ISBN 978-5-8354-0641-8, (In Russ.)]
3. Варламова А.Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: Учебн. пособие. М.: Статут. 2010. 301 с. [Varlamova A.N. Legal support for the development of competition: a textbook. M.: Statute. 2010. 301 p. (In Russ.)]
4. Егорова М.А., Петров Д.А. «Группа лиц» как объект антимонопольного регулирования: понятие, признаки, проблемы // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ. 2019. С. 303-313 [Egorova M.A., Petrov D.A. "Group of persons" as an object of antimonopoly regulation: concept, signs, problems // Legal regulation of economic relations in modern conditions of the digital economy: monograph / exec. ed. V.A. Vaipan, M.A. Egorova. M.: Justicinform. 2019. P. 303-313, (In Russ.)]
5. Предпринимательское (хозяйственное) право: Учебник / [Вознесенская Н.Н. и др.]; под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. РАН, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. М.: Волтерс Клувер, 2006. 560 с. [Entrepreneurial (economic) law: Textbook / [Voznesenskaya N.N. et al.]; ed. V.V. Laptev, S.S. Zankovsky. RAS, Institute of State and Law, Academy, legal university. M.: Wolters Kluver, 2006. 560 p. (In Russ.)]
6. Андреев В.К. Группа лиц как правосубъектное образование // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3(15). С. 20-22 [Andreyev V.K. A group of persons as a corporate entity // Journal of Entrepreneurship and Corporate Law. 2019;(3):20-22, (In Russ.)]
7. Тотьев К.Ю. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности // Законность. 2002. № 12. С. 10-16 [Totyev K.Yu. Legitimization of business entities // Legality. 2002;(12):10-16, (In Russ.)]
8. Каменков М.В. Общий интерес как признак группы лиц // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2. С. 42-48. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-42-48> [Kamenkov M.V. Common Interest as a Sign of Related Party // Russian Competition Law and Economy. 2021;(2):42-48, (In Russ.) <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-42-48>]
9. Писенко К.А. Конкуренция не имеет абсолютной ценности в самой себе, она оценивается через итоговый результат // Конкуренция и право. 2021. № 2. С. 10-11 [Pisenko K.A. Competition has no absolute value in itself, it is evaluated through the final result // Competition and law. 2021;(2):10-11, (In Russ.)]

Сведения об авторе

Башлаков-Николаев Игорь Васильевич: кандидат экономических наук, доцент Высшей школы правоведения ГСУ РАНХиГС, член Ассоциации антимонопольных экспертов, член Научного совета РАН по вопросам защиты и развития конкуренции
bniv@list.ru

Статья поступила в редакцию: 30.08.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 16.09.2024
Дата публикации: 30.09.2024

The article was submitted: 30.08.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 16.09.2024
Date of publication: 30.09.2024